

(ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА)

Э. БУЛАТОВ

ПОЖАЛУЙ, из всех названий далеких сказочных стран слово «Индия», кроме разве слова «Амазонка», всегда вызывало у меня наиболее ясный, наиболее зримый образ. Правда, с годами он изменялся.

Сначала, в детстве, это были кипплинговские джунгли, чудеса и сокровища. По мере того как я становился старше, в джунглях вырастали древние храмы с огромными статуями и селились таинственные йоги. Потом я познакомился с Калидасой, Рабиндранатом Тагором...

И вот мне представилась возможность с группой студентов-художников посетить эту удивительную страну, увидеть ее своими глазами.

Мы отправились туда из Новороссийска на судне «Ставрополь».

Знакомое Черное море. Крутые, величественные берега Босфора.

На фоне утреннего неба четко вырисовываются силуэты древних крепостных башен Стамбула, стерегущих подступы к городу. Дома, большие и маленькие, громоздятся по склонам, опираясь друг на друга и друг друга поддерживая. Ярко горят на солнце верхушки минаретов, окружающих со всех сторон красавицу Айя-Софию.

Но вдруг поворот — и мы уже в Мраморном море. Мраморное море — Дарданеллы — Эгейское море.

Самый воздух пропитан античностью. Спокойные, мягкие линии берегов. Острова цвета греческих ваз.

У входа в Средиземное море с левого борта медленно проплывает Родос — грозный символ средневекового рыцарства.

«Ставрополь» прсходит Порт-Саид и медленно движется по Суэцкому каналу. Слева — Аравийская пустыня; желтый, оранжевый песок... Вдали горная цепь. Медленно бредут верблюды. Справа — шоссе, рощи, коттеджи, в которых раньше жили англичане. Новые хозяева, египтяне, встречают нас, как друзей. Рабочие, расчищающие канал, увидев советский флаг, бросали работу и радостно приветствовали нас.

Под вечер выходим в Красное море. Воздух раскален. Вдали виднеется семья островов — как спины чудовищных слонов, купающихся за горизонтом. Сходство удивительное. Маленький слоник и два больших. А один забрел куда-то в сторону.

Индийский океан встречает нас штормом. По ночам уже виден Южный Крест. Огибаем Цейлон и поворачиваем к северу. Сезон дождей. Все больше кучевых облаков. Берег близко.

Наше судно направлялось в Восточный Пакистан. «Ставрополь» подошел к устью реки Пусур, дожидаясь прилива, чтобы подняться вверх по течению.

Дождь. Мелкий осенний московский дождь. Вот вам и тропический ливень! Серо-желтоватая вода. Серые холодные облака. Ну Архангельская область, да и только. Слева остров. Поднявшийся к нам на борт лоцман говорит, что там водятся тигры. На фоне этой воды и неба это звучит так же нереально, как если бы мы услышали, что тигры поселились где-нибудь в устье Северной Двины.

С приливом двигаемся дальше. По берегам реки плотная стена деревьев, стоящих в воде. Вот они, настоящие джунгли, одно упоминание о которых всегда вызывало в воображении столько картин.

Все чаще появляются местные жители в странных длинных лодках, гребущие одинаково ловко и руками и ногами.

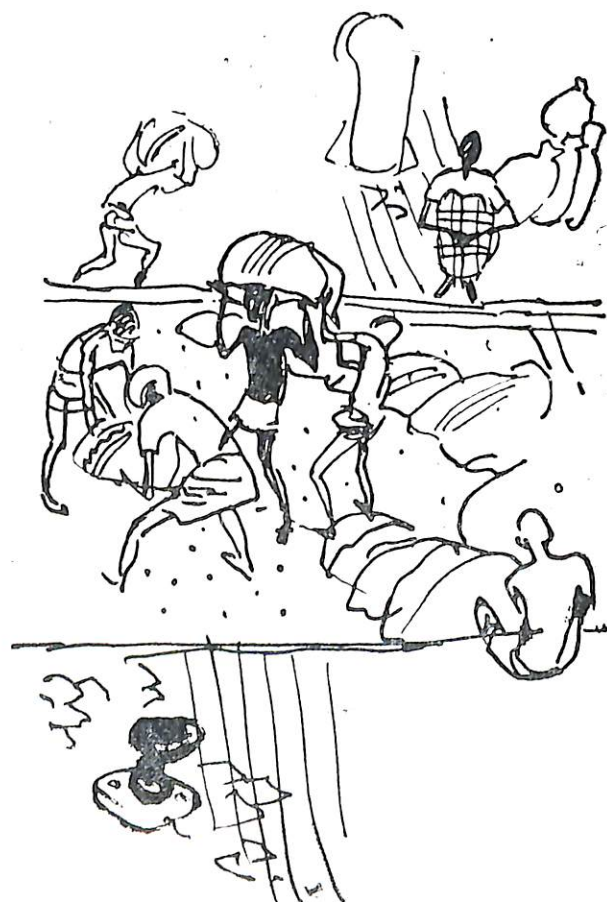
Наконец мы подходим к деревне Чална, маленькой, затерянной в джунглях, без причалов, без пристани. Приливы, бурные ливни часто меняют уровень воды в реке и даже вызывают наводнения. Поэтому дома в деревне — убогие тростниковые хижины — поставлены на сваи. Поражает нищенская обстановка жилищ и бедность людей в окружении роскошных кокосовых пальм. Кажется противоестественным, что в этом краю, где природа необычайно щедра и готова дать человеку все, что ему нужно, живут голодные, истощенные люди.

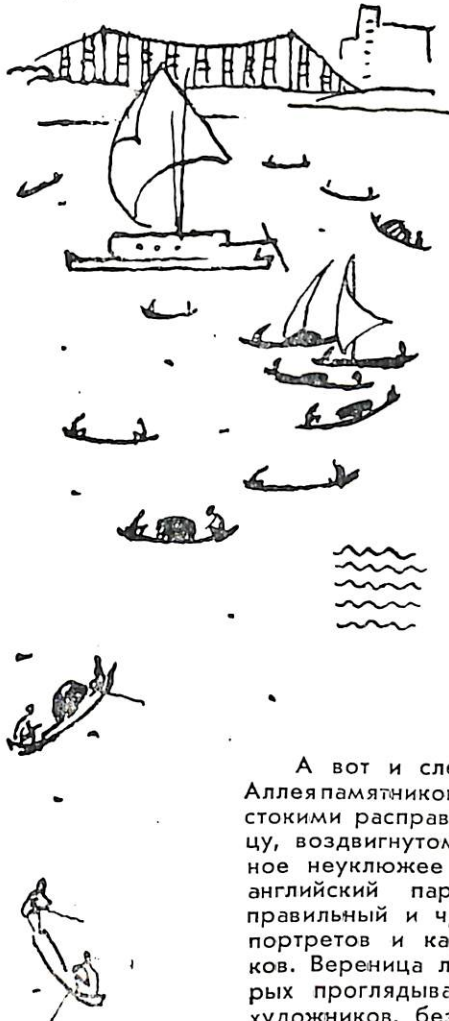
Особенно трудна жизнь тех, у кого совсем нет земли, кому приходится добывать свой хлеб разгрузкой приходящих сюда кораблей. Но они не мирятся покорно со своей тяжелой долей и борются за лучшую жизнь. Как раз в то время, когда мы стояли в Чалне, грузчики, добиваясь повышения заработной платы, объявили забастовку. Несколько дней суда, бросившие здесь якорь, почти не разгружались. Но вот забастовка кончилась победой, и палубы залила пестрая толпа живых, смуглых людей. Разгрузка пошла быстро. Сразу две баржи пришвартовались к бортам «Ставрополя», и грузчики, насыпав в мешки привезенное нами зерно, бережно переносили его на баржи. Мы много рисовали грузчиков. Они охотно позируют, а остальные смотрят с большим любопытством.

У индийцев и пакистанцев удивительно тонкие и гибкие бронзовые фигуры, совершенно особенная пластика. Никогда европеец не может так встать, так изогнуться, как они. Только когда видишь этих людей, понимаешь, откуда возникли плавные, тягучие ритмы древних индийских статуй и фресок.

Как-то к вечеру мы отправились на катере по одному из узких русел реки. Вдоль одного берега тянулись сплошные заросли деревьев, оплетенных лианами. На другом — рисовые поля, деревни. У самой воды неподвижно стояла красивая женщина в ярко-оранжевом сари с ребенком на руках. Мы повернули обидим оранжевую женщину. И действительно, она стояла так же неподвижно, как статуя, словно чего-то ожидая.

Уже темнело. Мы выключили двигатель и остановились. Тишина, которую разгонял стук мотора, вдруг наполнила все. Она была полна странных звуков: прерывистого звона цикад, зловещего уханья в глубине джунглей, тысяч таинственных шорохов и вздохов. Но все это не разрушало, а лишь дополняло и подчеркивало эту абсолютную тишину.

На следующий день «Ставрополь» взял курс на Индию, и вот мы в Калькутте.

На рейде в затылок друг другу стоят океанские суда под флагами стран всего мира. Вдали виден гигантский висячий мост через Ганг, ажурный, кружевной, совершенно невесомый, когда смотришь на него с такого расстояния. По воде снуют масса лодок, больших и маленьких, с парусами и без парусов. Между ними важно проплывают баржи, ярко раскрашенные, как игрушечные утки.

Судно ставят на погрузку, а мы сходим на берег. Калькутта — огромный город, поражающий самыми неожиданными контрастами.

Микроскопические лавочки соседствуют с громадными магазинами. Ослепительные новейшие машины, а рядом — черные с золотом кареты диккенсовских времен с фонарями, с лакеями на запятках, рикши, арбы. И все это уступает дорогу и почтительно объезжает священных коров, лежащих на мостовой или медленно бредущих по улице и чувствующих себя хозяевами положения.

А вот и следы привозной колониальной цивилизации. Аллея памятников британским генералам, отличившимся жестокими расправами с индийскими патриотами, ведет к дворцу, воздвигнутому в честь королевы Виктории. Это роскошное неуклюжее здание из белого мрамора. Вокруг разбит английский парк, аккуратно подстриженный, чрезвычайно правильный и чрезвычайно скучный. Во дворце — галерея портретов и картин преимущественно английских художников. Вереница лощеных сухих и бездушных лиц, из-за которых проглядывают такие же равнодушные и серые лица художников, безразличных и к людям, которых они писали, и к самой живописи.

Неизгладимое впечатление оставляет самобытное искусство Индии. Когда смотришь старинные индийские миниатюры, выставленные в одном из залов того же дворца или в Музее национального индийского искусства, когда лю-

буешься фресками Аджанты или скульптурами Конарака, проникаешься величиим этой древней культуры, невольно преклоняешься перед народом, который создал ее и сам был ею рожден. Очень хотелось поэтому нам как можно ближе познакомиться с индийцами, понять, как они живут, о чем думают.

Первыми, с кем мы познакомились, были художники, вернее, два художника и актер. Они очень хорошо отнеслись к нам, водили нас по городу, старались показать самое интересное. Я сдружился с художником Ромэном Роем. Он очень помог нам в работе. Услышав, что мы хотели бы писать городской пейзаж с какого-нибудь определенного балкона, он смело стучался в дом, и хозяева, кто бы они ни были, узнав, что мы русские художники, приветливо принимали нас, угощали кокосовыми орехами, дарили что-нибудь на память.

И почти все время был с нами Ахмед, худенький, обтрепанный мальчишка. Матросы встретили его, как старого знакомого. Оказывается, всегда, когда советское судно появляется в Калькуттском порту, он приходит туда. Моряки любят его, он обедает вместе с командой в кубрике и старается научиться говорить по-русски. Мы с ним быстро подружились. У него красивое характерное лицо, и я с удовольствием рисовал его и немного учил русскому языку. Когда мы ходили рисовать в город, он почти всегда шел с нами, помогал объясняться с людьми, рассказывал о жизни простого народа.

Целые дни с блокнотами и альбомами бродили мы по городу. За каждым поворотом ждало нас новое впечатление, по-новому раскрывалась жизнь. Вот пророк в красной повязке, безмолвно стоящий на бойком перекрестке с поднятой к небу рукой; вот шумный базар с разноголосицей криков и красок, а вот за углом и тихая улочка, небольшой бассейн в тени деревьев. Вот Бабугат — место, где масса паломников совершает священное омовение в Ганге. Здесь прямо из воды поднимаются каменные ступени, ведущие к храму. На ступенях старик кормит голубей.

Сезон дождей подходил к концу. Ливни стали бурными и короткими. Они закрывают весь город плотной темно-серой пеленой, и улицы, затопленные потоками воды, горбятся черными спинами зонтов. Но дождь внезапно прекращается, и через несколько минут улица, залитая солнцем, совершенно суха.

К концу нашего краткого пребывания в Калькутте в Художественном колледже была устроена однодневная выставка наших работ, сделанных в течение поездки. Она вызвала немалый интерес. Студенты-художники выстраивались в длинную очередь, которая тянулась по лестнице колледжа. Они приносили нам и свои работы, спрашивали совета. Нам близко и понятно их стремление возродить национальные традиции и на этой основе строить свое, новое, реалистическое искусство, отражающее жизнь народа освобожденной Индии.

Знакомясь с тем, как учатся и работают индийские студенты, мы прошли по творческим мастерским во время занятий. Интересно, что у них есть специальный курс по практическому освоению национального индийского стиля. Студенты снимают копии со старинных фресок, создают в этом стиле композиции на темы древних сказаний и эпических поэм. В мастерской плаката господствует совсем другой дух: там студенты делают яркие и выразительные современные вещи.

Из Калькутты, где у нас осталось много друзей, «Ставрополь» зашел в Кочин. Этот маленький порт

на юго-западе Индии был совсем иным. Кочин — древний городок на самом берегу океана. Из пальмовых рощ выглядывают скромные домики. Углы их кровель по-китайски загнуты вверх. Вода бассейнов вспыхивает в солнечных лучах, еле-еле пробивающихся сквозь пальмовые заросли, опутанные лианами.

Жизнь здесь тиха и мелодична. Прекрасные женщины неторопливо несут кувшины с водой. После бурной, оглушительной Калькутты движения людей кажутся странно замедленными.

Здесь жизнь Индии приоткрылась нам с другой стороны. Жаль, что у нас было так мало времени. На следующий день «Ставрополь» уже отправился в обратный путь, и мы простились с этой замечательной страной.

Мы увозили с собой множество ярких впечатлений и образов, мы увозили тепло жаркого индийского солнца и тепло не менее горячих встреч с простыми людьми Индии, душевными, чуткими, умными, стремящимися добиться лучшей жизни для своей великой родины.

Как живые воспоминания того, что мы видели, того, что мы чувствовали, находясь в Индии, везли мы на родину многочисленные рисунки, наброски, эскизы, сделанные за время поездки. Впоследствии в Москве часть наших работ, как и работ студентов-художников, ездивших в другие страны Востока, была экспонирована на выставке, организованной во Дворце культуры завода имени Лихачева.

